

было никаких утрат и похищений. «Ризница в порядке и приходорасходные книги в исправности» (1, с. 24). В Палланской церкви священником был Стефан Вениаминов, переведённый из ликвидированной Лесновской церкви. И во втором путешествии о. Стефан сопровождал Преосвященного до Гижиги, куда вскоре был он определён священником, «который несмотря на значительные для него неудобства и потери, с первого слова согласился остаться на служение в Гижиге на несколько лет. За такое послушание, а с тем вместе, чтобы некоторым образом дать ему более возможности и силы действовать на новую паству его, он произведён мною в протоиерея к сей церкви на священнической вакансии, с полным правом настоятеля сей церкви» (Там же, с. 219).

В начале 50-х гг. 19-го столетия о. Стефан служил в Охотской церкви, куда адресовывались письма Камчатского архиепископа Иннокентия. Из писем ясно, что о. Стефан изучил тунгусский язык: «Благая весть ваша о переводе на тунгусский язык Благовестия истинно радуется меня» (2, с. 155). И чуть позже о. Стефан высылает Тунгусскую грамматику.

Особой похвалы Преосвященного были удостоены Георгий Логинов, который по закрытии Духовного училища в Петропавловском порту открыл домашнее училище и, продолжая дело П. Громова, преподавал субботние уроки, анадьрский миссионер Роман Верещагин и Стефан Вениаминов.

Хорошо изучив жизнь камчатских жителей, проехав всю Камчатку на лошадях и собаках, узнав трудности местных народов, архиепископ Камчатский Иннокентий составил «Особые наставления относительно учения, богослужения и обхождения с инородцами», состоящие из 33 пунктов. Среди них есть такие: «Соблюдать посты так, как соблюдают обыкновенно... тамошние жители почти не могут по самой местности, и пост их удобнее может состоять не в качестве, но в количестве и времени употребления пищи.

Новообращающимся ни до крещения, ни при самом крещении... не позволять делать какие-либо подарки, дабы сие не могло быть для инородцев приманкою или поводом к различным ухищрениям.

Отнюдь не показывая явного презрения к их образу жизни, обычаям и проч., как бы они ни казались того стоящими.

Путешествия предпринимать вовремя, т. е. когда жители тамошние бывают более свободны от промыслов зверей и рыбы, дабы неблагоприятным путешествием не лишиться выгоды инородцев.

Чтобы вернее и более быть полезным своим прихожанам, ты должен в непродолжительном времени узнать язык их, на первый раз по крайней мере до того, чтобы понимать. Дьячку же... в непрерывную обязанность поставляется узнать язык их совершенно.

Старайся узнать обстоятельно их веру, обряды, обычаи, наклонности, характер и весь быт твоих прихожан, особенно для того, чтобы вернее и удобнее действовать на них» (1, с. 250–259).

Анализ путевых журналов архиепископа Камчатского Иннокентия свидетельствует о том, что состояние Камчатской епархии из года в год улучшалось, и в этом была огромная его заслуга.

Подвиг, совершённый свт. Иннокентием отмечали ещё современники, о чём говорит издание его трудов как при жизни, так и после его смерти. И это свидетельство искреннего уважения к его светлой личности.

1. Творения Иннокентия Митрополита Московского. Кн. 1–3. Собраны Иваном Барсуковым. М., 1886–1888. Т. 2.

2. Письмо Епископа Иннокентия брату Стефану. 10 мая 1852 г. г. Якутск // Иркутские Епархиальные ведомости. 1888. № 17. 30 апр.

3. РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 3. Д. 12.

Т. В. Воробьева **РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ –** **ОТ КАМЧАТКИ ДО АЛЯСКИ**

Одним из важнейших проявлений колонизации Русской Америки стало распространение православия. Русская православная церковь всегда сопровождала первопроходцев, и в этом движении ее роль изначально, со времен первых монастырей, значительно отличалась от той, которую выполняла зарубежная церковь. На территории северо-запада американского континента столкнулись несколько колонизационных потоков: русский – с севера, испанский – с юга, английский – с востока.

Обращаясь к этому периоду истории Русской Америки, зарубежные исследователи исходили из единой модели церковной деятельности священнослужителей различных стран. Однако необходимо указать на существенную разницу между миссией, например, испанской церкви в Америке и русской – в Сибири. Испанский священник продвигался на континент в традиционной для этого государства манере – миссионеры шли рука об руку с военными, оккупирующими территорию и подчиняющими местное население с достаточной долей жестокости. Именно так на побережье Калифорнии возникли Сан-Диего, Санта Барбара, Монтерей, Сан-Франциско. Более того, на миссию возлагалась обязанность обеспечивать армию продуктами сельского хозяйства (1, р. 81). Между тем, российские священнослужители никогда не являлись составной частью знаменитой западноевропейской триады – сначала купечество, затем миссионеры, за ними – солдаты. Еще в 1866 г. выдающийся историк В. О. Ключевский попытался найти доказательства участия монастырей в колонизации Севера, создавая свою первую большую монографическую работу «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае», и наткнулся на значительные трудности. Позже он посвятил этой теме лекцию XXXIV «Курса русской истории», где показал, что русские монастыри лишь первые два века своего существования держались пределов поселений, а затем стали закладываться как отшельнические обители. Монахи, покидавшие в XIV–XV вв. богатые монастыри Москвы, Ростова и Новгорода, отправлялись на Север «на взыскание места пустынного». Чем дальше уходил монах, чем глуше были окружающие его непроходимые дебри, тем больше он освобождался от «мирской» жизни с ее суетой и беззаконием. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем. И хотя «уединение» основателя монастыря, как правило, длилось недолго: вокруг него собирались монахи и миряне, все же вновь созданный монастырь оставался в известной мере независимым социальным организмом» (6, с. 167). Так продолжалось на протяжении всей дальнейшей истории, что определило особую роль православных священников, которые, в отличие от европейских, выступали не как опора завоевания, а становились защитниками покоренных народов.

Путь к Русской Америке лежал через Камчатку. Отсюда к берегам будущих российских владений отправилась Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Известно, что указом императрицы Анны Иоанновны от 17 апреля 1732 г., кроме выполнения дел «к государственной пользе», Берингу предписывалось «для приведения тамошней народ в христианскую веру» взять с собой «священников и прочее, что до духовенства принадлежит... снесшись с синодом». Синод поручил Берингу «взять ис Таболской и Сибирской епархии от преосвященного Антония-Митрополита во экспедицию... во определенное число шести иеромонахов» (14, с. 80–83), чтобы по воскресным дням и православным праздникам для участников экспедиции совершались богослужения. О шести иеромонахах «из ученых», входивших в состав Второй Камчатской экспедиции, упоминает в своем труде А. Соколов, приводя в Приложении полный список ее участников (13, с. 98–99). Распоряжение Синода о наборе всех шести иеромонахов из Тобольской епархии свидетельствует о том, что в столице не нашлось священников, готовых отправиться в далекое путешествие. В Тобольске митрополитом Тобольским и Сибирским Антонием (Стаховским) в состав экспедиции были зачислены 4 священнослужителя. Выявленные документы позволяют назвать имена двух из них: игумен Панкратий и шестидесятилетний иеромонах Иннокентий (Артемонов), бывший игумен Красноярского монастыря (15, с. 813).

Но не все из них доехали до Иркутска: известно, что в дороге скончался игумен Панкратий. Оказавшись в последнем епархиальном центре на своем пути к Тихому океану, Беринг должен был решить вопрос о включении в экспедицию всех шести православных священнослужителей, а также укомплектовать походные церкви. С этой целью Беринг вел переписку с иркутским архиереем. Иркутскую епархию в то время возглавлял епископ Иннокентий (Неронович), бывший на кафедре с 1732 по 1741 г. Обращаясь к нему в письме от 23 июля 1734 г., Беринг писал: «Определенной в нашу команду и следованию в Камчатскую экспедицию ис Таболскай епархии, для священнослужения и духовенства, иеромонах Инокентий по данным и нам доношением объявил что в такой дальней и нужной экспедиции быть ему, и духовенство исправлять не можно, понеже он пришел в старость... А к тому от епархии вашего преосвященства на место его из иеромонахов определите к нашей команде» (там же, с. 813). Также Беринг направил Иркутскому архипастырю список недостающих для устройства походной церкви «церковных вещей», составленный иеромонахом Иннокентием.

Епископ Иннокентий, исполняя указ императрицы и просьбы Беринга, назначил в экспедицию от Иркутской епархии иеромонаха Феофила вместо престарелого иеромонаха Иннокентия, (15, с. 813) (а также новых священнослужителей: иеромонаха Мисаила и священника Андрея «из

Олехминского острогу») (15, с. 813). Но последний, «по свидетельству, явился дряхл и увечен» (9), и вместо него был отправлен иеромонах Герман. Кроме того, епископ Иннокентий снабдил экспедицию иконами, церковной утварью и всем необходимым для богослужений.

Есть известия о священнослужителях в составе Второй Камчатской экспедиции в связи с пребыванием Беринга в Охотске и на Камчатке. Об этом существуют упоминания в различных исследованиях по истории Камчатской миссии. Например, С. Б. Окунь, рассматривая распространение христианства на Камчатке, пишет о трех священниках в составе Второй Камчатской экспедиции (10, с. 87).

Можно с большой вероятностью утверждать, что среди них уже не было иеромонаха Феофила, поскольку еще 20 июля 1736 г. он был арестован по доносу и отправлен сначала в Тобольск, а потом в Москву, в тайную канцелярию, и только 3 февраля 1740 г. был «освобожден без всякого штрафа и наказания» (10, с. 87). Но известны имена, как минимум, двух из них, упоминавшихся в делах Камчатского духовного правления в связи с крещением камчадалов: «экспедицкий иеромонах Феофилакт» и «экспедицкий иеромонах Дамаскин» (3, с. 49). Также в рапорте, направленном в 1740 г. в Святейший Синод охотским командиром Скорняковым-Писаревым, говорится: «В Охотске священника нет, а временно заменяет его [в] Беринговой экспедиции иеромонах Дамаскин» (3, с. 51). Двадцать третьего марта 1741 г. Сибирский приказ доносил в Синод, что «ныне в Охоцку имеется один иеромонах Дамаскин, который де, как поидет капитан командор в путь свой, то и он поидет с ним» (там же, с. 54). Находясь в Охотске, Беринг построил два пакетбота: «Святой Петр» и «Святой Павел». Весной 1740 г. они отправились из Охотска на Камчатку. Первым кораблем командовал сам Беринг, а вторым – капитан Алексей Ильич Чириков. По сведениям А. Соколова, на втором корабле находился иеромонах. На Камчатском полуострове в Авачинской губе было основано новое поселение – Петропавловск. По совету Беринга Чириков пожертвовал походную церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы, которая была на его корабле, на устроение там православного храма. Об этом упоминает протоиерей Прокопий Громов, составитель истории Церкви на Камчатке. Таким образом, еще до начала регулярного церковного служения, которое началось с прибытием в пределы Аляски Первой духовной миссии в 1794 г., на ее территории совершались богослужения священниками, которые находились на кораблях правительственных экспедиций. Примером может служить совершение богослужений и церковных таинств на островах Уналашка и Кадьяк иркутским священником Василием Сивцовым, который прибыл на Аляску в 1793 г. в составе экспедиции Биллингса–Сарычева, о чем свидетельствует как книга капитана Г. А. Сарычева, так и рапорт самого священника, найденный А. Львовым в Синодальном архиве (9, с. 219).

После трагического завершения Второй Камчатской экспедиции вопросы распространения христианства решались не только священнослужителями, но и промышленниками, однако, по мере возрастания коммерческих аппетитов последних, отношения между монахами и правителями Русско-Американской компании, прибыв на о. Кодиак (у южного берега Аляски, в Аляскинском заливе). Он интересовался не только коммерцией и добычей морского котика. Шелихов стал ревностным поборником идеи распространения христианства среди туземцев новооткрытых земель. Он построил церковь на Кодиаке, основал школу и лично крестил многих алеутов. Впоследствии вместе со своим компаньоном Иваном Голиковым он послал императрице Екатерине II и Святейшему Правительствующему Синоду прошение о присылке миссионеров. Прошение было удовлетворено, и Миссия в составе восьми монахов во главе с архимандритом Иоасафом (Болотовым) прибыла на о. Кодиак 24 сентября 1794 г. (11). Согласно «Наставлению», полученному начальником миссии от Петербургского митрополита Гавриила, главная цель миссии заключалась в распространении света Христова среди местного американского населения, в создании Православной Церкви на чужбине. В инструкции отмечалась высота предстоящего служения миссионеров; указывалось на необходимость быть всегда готовыми внушать путь истины туземному населению и никогда не уклоняться от возложенного на них ответственного послушания; при научении туземцев истинам православной веры быть терпеливыми, снисходительными и кроткими, соблюдая строгую постепенность в переходе от усвоения новообращенными одной истины к другой; среди новообращенных творить справедливый суд; оказывать помощь им в удовлетворении их материальных нужд; перед лицом, не знающим Закона Божьего, самим быть примером добродетели, соблюдать полное бескорыстие. Жители этого острова, как и других североамериканских земель, были язычниками, обоготворявшими силы природы. Вывести их, сидевших «во тме и сени смертной» (Пс. 106, 10), к свету Христовой спасительной истины и предстояло прибывшим православным русским миссионерам (12). В Миссию входили

монахи-добровольцы из двух прославленных монастырей, расположенных на северо-западе России, где географические условия в некоторой степени напоминают аляскинские. Шесть членов Миссии были из Валаамского монастыря, двое – из Коневецкого (о. Коневец на Ладожском озере); четыре миссионера были в священном сане (архимандрит Иоасаф, иеромонахи Ювеналий, Афанасий и Макарий), двое (Нектарий и Стефан) были иеродиаконами. Наконец, ещё двое (Герман и Иоасаф) являлись простыми монахами. Глава Миссии архимандрит Иоасаф (1761–1799) происходил из семьи священника. До своего поступления в Валаамский монастырь он получил духовное образование в Тверской и Ярославской семинариях. До принятия монашества в Валаамском монастыре иеромонах Ювеналий (Говорухин) и его брат иеродиакон Стефан были армейскими офицерами.

Одной из неотъемлемых сторон русской православной веры является ее тихий проповеднический дух. Он не принуждает людей обращаться в православие, а, скорее, призывает просто посмотреть на православную веру и самим решить, хотят ли они принять Христа в свою жизнь через Его Церковь. Именно так – тихо и ненавязчиво – РПЦ на Западном побережье Америки всегда ведет миссионерскую работу (5, с. 6). На протяжении первых двух лет миссионеры крестили около 12 тыс. туземцев и построили несколько часовен. Однако этот первоначальный успех Миссии был отмечен мученической кончиной одного из её иеромонахов. В 1795 г. иеромонах Ювеналий, один из ревностнейших членов миссии, добровольно пошёл в глубь Аляскинского материка проповедовать туземцам Слово Божие. В одном из недружелюбных индейских поселений, совершив крещение местных жителей, о. Ювеналий увещевал их прекратить полигамию, принятую у них, а также убедил их отпустить с ним двоих детей для поступления в Кодиакскую Миссийную школу. По дороге к морю дети и о. Ювеналий были настигнуты новокрещёнными индейцами, у которых изменилось настроение. Иеромонах Ювеналий был предан мученической смерти.

А двадцать лет спустя крещённый первыми русскими миссионерами на о. Кодиак молодой алеут Пётр принял мученическую смерть за верность своей вере от рук слишком рьяных испанских миссионеров в Калифорнии, вблизи русского промыслового посёлка и крепости Форт Росс у берега Тихого океана. О страданиях, выпавших на долю алеута, повествуют письма главного правителя Российско-Американской компании (1818–1820-е гг.), зятя А. А. Баранова, морского офицера Семёна Ивановича Яновского. Вот это свидетельство: «В 1815 году промысловая партия кадьякских алеутов под руководством Бориса Тарасова занималась промыслом морских животных у берегов Калифорнии. Ветром их байдарки прибило к берегу, где у мыса св. Петра их захватили испанские солдаты и отправили в миссию Сан-Педро. Испанцы принуждали алеутов принять католичество, отказавшись от православия, на что алеуты никак не соглашались, отвечая: “Мы христиане, мы крещены”, – и показывали им кресты на шеях. Тогда эти фанатики приступили их мучить – сперва одного, другой был свидетелем. Они сперва отрезали по одному суставу у пальцев на ногах, потом по другому – тот все терпел, только и говорил: “Я христианин и не изменю своей веры”. Потом на руках отрезали по одному суставу у каждого пальца, потом по другому, потом отрубили ступни ног, потом кисти рук – кровь лилась, но мученик до конца терпел; неизменно одно твердил с такою верою, от истечения крови скончался. Они и на другой день хотели было мучить и других, но в эту же ночь было получено из Монтерей повеление: чтобы всех взятых в плен русских алеутов немедленно прислать под конвоем в Монтерей, а потому они утром, все, кроме скончавшегося, были отправлены. Это рассказал мне самовидец алеут, товарищ замученного, впоследствии бежавший из плена. Об этом я тогда же донес в главное правление в Санкт-Петербург» (7, с. 34).

В 1980 г. Собор Архиереев Православной Церкви в Америке присоединил иеромонаха Ювеналия и алеута Петра к лику местно почитаемых святых.

Несмотря на то, что в акте учреждения РАК первым пунктом декларировалось намерение «иметь попечение о находящейся в Америке духовной христианской грекокафалической миссии, упражняющейся в проповеди святого Евангелия и в приведении непросвященных американских и островных народов в познание истиннаго Бога», с реорганизацией дел Баранов перестал поддерживать миссию, считая, что лично он не брал на себя никаких обязательств по их содержанию. Отсутствие руководителя духовной миссии и сокращение ее состава за счет наиболее активных миссионеров отрицательно сказалось на деятельности миссионеров. На Аляске осталось только четыре монаха-миссионера. Иеромонах Афанасий (Михайлов) – единственный священник, совершал на о. Кадьяк богослужения и крещения, в том числе и туземцев. Иеродиакон Нектарий (Панов) преподавал в школе до конца 1800 г. (8).

Жесткая система эксплуатации, методы экономического и физического принуждения, практикуемые в период правления А. А. Баранова, вызывали сопротивление работников, но более всего

от притеснений и насилий приказчиков «шелиховской компании» страдали зависимые туземцы – алеуты и эскимосы Кадьяка, которых русские заставляли добывать каланов на дальних промыслах, охотиться на лис, тюленей и моржей, ловить птиц на крутых утесах, запасать для компании рыбу, ягоды, съедобные корни и луковички, участвовать в постройках и т. д. Понятно, что эксплуатация и насилие вызвали ответную реакцию. Она могла выражаться в пассивных и активных формах: туземцы бежали и скрывались, а иногда устраивали заговоры и убивали надзиравших за ними русских промышленников. В одном из своих писем А. А. Баранов упоминает подобный эпизод, когда двое туземцев убили промышленника Дмитриева. Преступники были схвачены, но одному из них удалось позднее скрыться, а второго по приказу Баранова пропустили несколько раз «сквозь строй» из своих сородичей, которые избивали его палками и китовыми усами, после чего правитель велел оставить его скованным в кандалах, «чтоб мучить в работе», но тот предпочел покончить жизнь самоубийством. Те туземцы, которых русские рекрутировали в байдарочные партии для добычи калана, порой самовольно уезжали с промыслов и отказывались от работ. Такой случай произошел в 1795 г., о чем сообщал сам Баранов: «За побег из Якутата кенайского тоена [вождя], я велел наказать его слегка и остричь половину бороды и усов, в предупреждении беспорядков на будущее время, ибо он первый показал дурной пример и уехал самовольно с десятью байдарками кенайцев, чрез что лишил компанию промысла». На защиту угнетенных туземцев пробовали встать православные миссионеры, но их попытки жаловаться светским и духовным властям не увенчались успехом. В 1798 г. иеромонах Макарий вместе с несколькими алеутами смог добраться даже до самого императора Павла I, чтобы поведать ему о бедственном положении коренных жителей российских колоний. Однако его миссия не имела почти никаких позитивных последствий. Попытка миссионеров при поддержке переводчика Осипа Прянишникова и штурмана Г. Т. Талина спровоцировать на Кадьяке неповиновение местных эскимосов в отсутствие А. А. Баранова, занятого зимовкой на острове Ситха в 1799/1800 г., также закончилась безрезультатно. Возвратившись весной в Павловскую Гавань, Баранов тут же взял бразды правления в свои руки: он немедленно послал вооруженный отряд с заданием объехать весь остров, переписать туземцев и, «обдарив» их тоенов и «лучших мужиков», уговорить (очевидно, с применением силы) вновь отправиться со своими сородичами на промыслы калана (2, с. 94).

Несмотря на эти непростые отношения миссионеров с администрацией РАК именно распространение православия стало существенным подтверждением русского культурного влияния на жизнь аборигенов в этой части Нового Света. Православные миссионеры тесно взаимодействовали с паствой и в своей духовной деятельности опирались на изучение и сохранение особенностей культуры коренных народов. Их стараниями сложилась письменность основных этнических групп Аляски, переводились на туземные языки книги Священного писания, богослужебные и вероучительные тексты. В русский период РПЦ оказала цивилизационное воздействие на автохтонное население колонии, внося значительный вклад в развитие самосознания, культуры и оздоровление социальных отношений в местной среде. В отличие от РАК Русская православная церковь продолжила свою деятельность на Аляске и после того, как та стала американским штатом. Проводя пастырскую работу в многоконфессиональной стране с резко отличающимся от России государственно-политическим и общественно-экономическим строем, православное духовенство защищало интересы своей паствы перед органами власти всех уровней, а также перед американскими коммерческими структурами и представителями иных конфессий (4, с. 1090–1099).

1. Pritchard D. S. Joint Tenants of the Frontier: Russian – Hispanic Relationships in Alta California // Russian America: The Forgotten Frontier. Pub, Washington State Historical Society. Washington. 1990. P. 81.

2. Гринева А. В. Социальный протест в Русской Америке // Клио. № 11(119). 2016. С. 89–104; С. 94.

3. Громов П., протоиерей. Историко-статистическое описание Камчатских церквей // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1861. Т. 1. С. 49. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knigakamchatka.ru/knigi-po-istorii-predpriyatii-gorodov-poselkov/knigi-po-istorii-predpriyatii-organizatsiy-sluzhb/gromov-kamchatka-cerkvi.html> (Дата обращения 10.04.2016)

4. История и наследие Русской Америки / А. Ю. Петров, митрополит Климент (Капалин), М. Г. Малахов [и др.] // Вестник Российской академии наук. 2011. № 12. С. 1090–1099.

5. Кирилл, архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский. Как стать миссионером // Весна духовная. Vol. 2 (№ 4). 2014. С. 6.

6. Ключевский В. О. Курс русской истории. [Электронный ресурс] URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch34.htm>; Макаров Н. А. Русский Север: таинственное средневековье. / Ин-т археологии РАН. М., 1993. С. 167.

7. Корсун С. Монах и правитель. Преподобный Герман Аляскинский и С. И. Яновский // Весна духовная. Vol. 2. (№ 4). 2014. С. 34.

8. Климент (Капалин Г. М.), митрополит Калужский и Боровский // О причинах конфликта первых миссионеров на Аляске и администрации Российско-американской компании [Электронный ресурс] URL: <file:///C:/Users/MAM/Documents/o-prichinah-konflikta-pervyh-missionerov-na-alyaske-i-administratsii-rossiysko-amerikanskoj-kompanii.pdf>

9. Климент (Капалин Г. М.), митрополит Калужский и Боровский. К вопросу об участии священнослужителей во Второй Камчатской экспедиции // Вестник ТГУ, вып. 2 (82). 2010. С. 219–224.

10. Окунь С. Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935. С. 87. [Электронный ресурс] URL: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=34063> (Дата обращения 27. 05.2013)

11. Григорьев Дмитрий, протоиерей. От древнего Валаама до Нового Света. Русская Православная миссия в Русской Америке. [Электронный ресурс] URL: <http://profilib.com/chtenie/64547/protoierey-dmitriy-grigorev-ot-drevnego-valaama-do-novogo-sveta-russkaya-pravoslavnaya-2.php>

12. Скурат К. История поместных православных церквей. [Электронный ресурс] URL: http://krotov.info/history/20/1900/skurat_amer.htm

13. Соколов А. П. Беринг и Чириков. // Северная пчела. 1849. С. 98–99. [Электронный ресурс] URL: <http://biblioteka.org.ua/book.php?id=1121022544&p=17>

14. Элерт А. Х. По следам академического отряда великой северной экспедиции. Новосибирск, 2007. С. 80–83. [Электронный ресурс] URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=993114>

15. Юранова И. И. Документы по истории Русской православной церкви в Республике Саха (Якутия) Письмо Беринга Преосвященному Иннокентию, епископу Иркутскому и Нерчинскому. 23 июля 1734 г. М., 2005. С. 813. [Электронный ресурс] URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9114465> (Дата обращения 26.05.2016).

15. Там же.

А. А. Гончарова МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА КОЛОШЕЙ

(на материале труда свт. Иннокентия (Вениаминова)

«Записки об островах Уналашкинского отдела»)

Колоши (тлинкиты) – один из народов северо-западного побережья Северной Америки. В начале «Записок о колошах» свт. Иннокентий (Вениаминов) уточняет места их проживания: «Подъ именемъ Колошъ или Колюжей извѣстны народы, населяющіе сѣверозападный берегъ Америки, отъ 45° до 60° градусовъ, т. е. отъ рѣки Колумбіи до горы св. Іліи, и преимущественно живущіе по островамъ, прилежащимъ къ материку Америки, и извѣстнымъ подъ именемъ Архипелага Принца Валлійскаго и Короля Георга III» (1, с. 26). Святитель Иннокентий, с присущим ему свойством всегда быть точным, добавляет, что «Колоши сами себя называютъ тлинкитъ съ прибавлениемъ антуктан, т. е. люди повсемѣстные, или люди всѣхъ селеній. Но откуда они получили название Колошъ или Колюжей? Не извѣстно» (там же, с. 28). И как видим, здесь даны не только сведения о месте их нахождения, но и ставится вопрос об этимологии названия и высказывается интересное предположение. Сведения о колошах (тлинкитах) в современных справочных изданиях даются всегда с опорой на труды свт. Иннокентия (Вениаминова).

В данной статье предпринята попытка осмысления фольклорно-мифологического материала, содержащегося в «Записках о колошах», как единого мифа творения, составляющего основу мифопоэтической картины мира этноса.

Мифопоэтическая картина мира (модель) «определяется как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» (2, т. 2, с. 161). Самые разные источники дают основание для ее восстановления. И среди них важнейшими являются язык, мифология и фольклор. Миф как особый тип мышления и миф как нарратив (сюжет, повествование) – основной способ понимания и объяснения мира в архаическую эпоху. При определении мифопоэтической картины мира, с точки зрения ее содержательной наполненности, выделяют повторяющиеся «схемы трех типов: 1) собственно космологические схемы, занимающие центральное место, 2) схемы, описывающие системы родства и брачных отношений и, 3) схемы мифоисторической традиции» (там же). Миф всегда возвращает ко времени «первотворения», особому прошлому, как идеальному, и содержит признаки настоящего,